

# ТЕАТР ЗАМЫСЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ

С большим и вполне заслуженным успехом прошли в Вильнюсе гастролы московского театра «Современник». Зрители познакомились с интересными, яркими спектаклями, утверждающими истинные духовные ценности, встретились с героями высокой нравственной чистоты, подлинной гражданственности. Именно так сформулировала в одном из интервью основная идейно-художественные принципы творческого коллектива его главный режиссер Галина Волчек: «Обо всем, чем живет страна, — говорит она, — обо всем, что происходит в мире, зритель должен слышать со сцены. И задача театра — почувствовать проблемы, попытаться хотя бы сформулировать их, чтобы «катапультировать» зрителя из удобного кресла, сделать его нашим единомышленником, для которого хочется работать».

Приятно отметить, что эта декларация успешно претворяется в жизнь. Об этом убедительно свидетельствуют постановки и современные пьесы, и классической драматургии, в том числе «Трех сестер» А. П. Чехова.

Постановка классического произведения всегда ставит перед режиссером и актерами трудную и ответственную задачу — зритель имеет уже определенное, сложившееся представление о пьесе, знаком с разными вариантами его сценического воплощения. Многим из нас памятна постановка «Трех сестер» и на сценах Литвы в разное время, в том числе и недавно в Панаевском драматическом театре.

И вот гастролы «Современника» предоставили зрителю еще одну возможность встретиться с героями Чехова. С первых же сцен спектакля москвичей мы ощущаем их стремление сказать свое слово о «Трех сестрах», раскрыть замысел автора. Скульпы серебристо-белые краски сценической декорации (сценография П. Кириллова, В. Зайцева). Здесь, где полностью «слышишь» стены, на которых отсутствуют какие бы то ни было украшения, где нет даже дверей и окон, мы не

можем не ощутить атмосферы замкнутости, откуда героям не дано выйти на простор, на волю, на природу. Где-то за пределами замкнутого стеной пространства есть сад, где течет какая-то жизнь. Однако герои вне ее. Даже раскинувшийся в выси легкий и прекрасный мост, решенный в тех же серебристо-белых тонах, — только место, где персонажи ведут лишь разговоры о высоких помыслах, тцете жизненных устремлений, бесплодности высших запросов духа... И здесь ничему не суждено восприниматься реальностью...

Почему безграничное душевное богатство, готовность к беззаветному труду, отзывчивость ко всему светлому в жизни, в людях, чуткость, доброта, тонкий ум, страстная жажда чистой, изящной человеческой жизни чудесных трех сестер и их окружения не находят применения в действительности? Почему всему прекрасному не суждено взойти золотыми зернами? На эти вопросы искал ответы в своей драме Чехов. Вслед за ним причины фатальной неведучести героев искали многие театры. Истоки этой самой неведучести И. Станиславский видел в жизни обиденной, в конфликте «мечты» и «обыденности». Это — главное и в интерпретации пьесы «Современником». Чрезвычайно внимательна к этому аспекту драмы режиссура (постановка Г. Волчек, режиссер Г. Соколова).

Скажем, как решается «Современником» вечная дилемма «Трех сестер», — вина или беда их бездействие? Решается, скорее, в плане «беды», хотя рядом с этим наличествует момент скептического отношения к действующим лицам. Ведь не прочь они порассуждать и пофилософствовать, порой настолько не к месту и не ко времени, что не может это не вызвать иронической улыбки. «Русскому человеку в высшей степени свойствен возвышенный образ мыслей», — говорит с грустной самоиронией Вершинин, — но скажите, почему в жизни он хватается так невысокой?».

Мир тех, кого театр охватывает строгим и добрым

взглядом, довольно обширен. Здесь выделяется фигура Вершинина — В. Гафта. Заматанный жизнью, большой женой и двумя дочками, он сохранил в себе способность отрывать от серой обыденности, волноваться о судьбах окружающих, любить беззаветной, светлой, самоотверженной любовью одну из сестер Прозоровых — Машу. В. Гафт органично выявляет всю противоречивость прекрасной мечты героя с его бездействием, со всем обликом жизни, стиснутом в кругу мелочных несчастий.

Это несоответствие силы и размаха мечты с возможностями мечтателей и создает ироническое настроение в «Трех сестрах». Но это комическое начало переплетается в спектакле, как и в пьесе, с грустью. Грустна судьба ее героев. Поэтично мечтательный барон Тузенбах (артист В. Шальных), романтически влюбленный в Ирину и утопически рассуждающий о труде, душевно и физически хрупок, недолговечен в этом жестоком мире. Без конца о чем-то тоскует и болеет уставший от жизни Чебутыкин (артист В. Никулин), восклицаящий в отчаянии перед собственным бессилием: «Нам только кажется, что мы существуем». Жалок со своей сомнительной попыткой самоутверждения — «я доволен» — Кулыгин артиста Г. Коваленко.

Все эти люди тянутся к дому Прозоровых. В общем-то разные, они проявляют себя в общей беде: все они заперты в серебристо-серой клетке с глухими стенами, всем им «жить хочется, смертельно, до истомы, до боли жить хочется!». С особой силой и тоской это стремление выявлено в трех сестрах — Ольге, Маше, Ирине (артистки Г. Петрова, М. Неёлова, М. Хазова). Мы буквально физически ощущаем их смертельной силой желание уехать в Москву, чувствуем, что так им больше жить невозможно, но они «сами своей жизни не строили» и изменить что-либо в ней не в состоянии. Их красивый духовный мир, богатство природы не находят отклика и применения. Пошлая, грубая, безобразная действительность обсту-

пает со всех сторон беззащитности сестер; и «труд без поэзии, труд без мыслей» старит их, а порыв к счастью гаснет. Убивает эту красоту жизнь. Жизнь, в которой торжествует злое, грубая сила мещанства и пошлости, воплощенная в образе Наташи (артистка Е. Маркова). Она, подобно сорной траве, «заглушает» сестер, вытесняет их из жизни. Сестры беспомощны перед лицом темной силы, враждебной счастью, правде. Первая жертва этой враждебности — брат Андрей Прозоров (артист А. Франкевич) — «драмагичный интеллигент», покориившийся рабской доле, находящийся под каблучком у жены Наташи. Далее жертвами станут сестры — с каждым действием спектакля семья все больше разрушается, ибо все наступательнее и властнее становится Наташа, все агрессивнее еще один представитель пошлой и грубой действительности — Соленький (артист М. Жигалов). Наглый и злобный, он пытается проникнуть в мир Прозоровых. Но бесплодно, ибо пусть мир этот слаб, но нет в нем места обыденщине.

Беспомощность, бесперспективность мечты и устремлений Прозоровых и их окружения вызывает скорбь Чехова и сегодняшних постановщиков спектакля. Но тем не менее, остается в спектакле чеховская вера в то, что жизнь изменится к лучшему, что нынешние страдания не напрасны, что они — во имя будущего. «Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помнят добрым словом и благословят тех, кто живет теперь», — говорит в финале спектакля Ольга, обращаясь в зал.

Эта концовка несет в себе большую смысловую заряд, показывает неизбежность краха такой жизни, где нет места вдохновенному труду. Впечатляющий финал завершает этот интересный спектакль.

Ц. МАТЕВОСЯН.